

Слухи о женщинах в «Кентерберийских рассказах» Джеффри Чосера

О. Р. Демидова

Предметом гендерно ориентированного историософского и филологического анализа в статье является корпус слухов о женщинах, бытовавших в европейской повседневности эпохи Возрождения и представленных в «Кентерберийских рассказах» Дж. Чосера. Слухи понимаются как феномен, который на уровне повседневности складывается и живет в культурной памяти, получая воплощение в фольклорных и литературных текстах, стереотипах, системе запретов и допущений и общей аксиологической и эстетической парадигме культуры. Автор статьи представляет функциональную парадигму слухов, складывающуюся из мемориальной, охранительной (цензурной), нравственной, эстетической, репутационной и властной функций, каждая из которых обуславливает продуктивность и частотность функционирования слухов в культуре в целом и в анализируемом тексте в частности. Основой для слухов становятся, по мнению автора, женские добродетели и пороки, при этом вторые оказываются значительно более актуализированными в тексте, чем первые, однако в совокупности те и другие представляют все связанные с женщинами стереотипы и полностью отражают патриархатное мировоззрение эпохи.

Ключевые слова: слухи, культура, традиция, повседневность, гендерный, женщины, рассказы, пороки, добродетели.

Для цитирования: Демидова О. Р. Слухи о женщинах в «Кентерберийских рассказах» Джеффри Чосера // История повседневности. – 2024. – № 3. – С. 16–27. DOI: 10.35231/25422375_2024_3_16. EDN: GTDRUR

Введение

«Кентерберийские рассказы» Дж. Чосера (1387) справедливо принято считать «подлинной энциклопедией английской жизни» [1, с. 287]. Не в меньшей степени они являются энциклопедией поэтических сюжетов, жанров и образов, соединяя в себе элементы куртуазной повести, бытовой новеллы, лэ, фаблю, народной баллады, дидактической поэзии, рыцарской любовной и авантюрной поэзии и пародии на все вышеперечисленные. Равным образом «Рассказы» можно рассматривать и как энциклопедию слухов о женщинах, основанных на стереотипных представлениях о сложившейся в культуре парадигме феминного в его противопоставлении маскулинному в рамках оппозиции «позитивное – негативное» (нравственных и социальных установках и табу, актуальных стереотипах, границах должного, дозволенного и недопустимого и пр.).

Слух в настоящей статье понимается как «молва, вести, <...> говор в народе, слава, огласка» [2, с. 225]. Иными словами, слух есть то, что рождается и активно функционирует в той или иной культуре, передаваясь во времени от поколения к поколению и способствуя формированию и закреплению стереотипов сквозь время. Слух – это то, что пребывает «на слуху» культуры, живет в ее памяти, передается из уст в уста и переходит из текста в текст, репродуцируясь и обрастая новыми бытовыми деталями и смысловыми вариациями в соответствии с психологией эпохи и сословия (подробнее о психологии слухов см. [3]). При этом очевидно, что первоначально слухи зарождаются, оформляются и функционируют на уровне бытовой повседневности, т. е. в фольклорных текстах (в том числе и в городском фольклоре), лишь со временем переходя в более высокий регистр текстов литературных, легитимирующих и закрепляющих их в памяти культуры (подробнее об этом см., напр., [4, с. 70–81]). Представляется, что слухи можно рассматривать как один из инструментов практик, которые М. де Серто называет «изобретением повседневности» и «искусством делать» (подробнее о теории де Серто см. [5]).

Функциональная парадигма слухов достаточно репрезентативна: кроме мемориальной, они выполняют основанную на аксиологических установках культуры цензурную (охранительную), этическую и эстетическую функции, определяя нравственные, идеологические, художественные и экзистенци-

альные границы той или иной культуры и формируя критерии типологических позитивных и негативных образов персон и событий. Особую роль играют тесно связанные друг с другом репутационная и властная функции, неотделимые от эстетической (подробнее об эстетике власти см. [6]): позитивные слухи могут использоваться как инструмент выстраивания репутации, тогда как негативные способны мгновенно разрушить ее; при этом тот, кто эти слухи распускает, становится властином судьбы тех, кто становится их объектом.

Истоки

Учитывая жизненный и творческий опыт Дж. Чосера¹, применительно к «Кентерберийским рассказам» следует говорить о нескольких культурных традициях, к которым этот текст восходит: античной; средневековой рыцарской; итальянской, французской и английской предренессансной и раннеренессансной; как высокой, так и фольклорной низовой и о весьма значительном временном периоде от античности сквозь Средневековье вплоть до раннего Возрождения, а равно и о корпусе слухов, бытовавших в этих (социо)культурных пластах в указанные эпохи. Источниками слухов о женщинах, на которых основаны рассказы паломников-персонажей Чосера, послужили для него античные авторы, средневековый эпос, рыцарский роман во всех своих изводах, христианские тексты, французская куртуазная поэзия, поэзия и проза трех великих итальянцев – Данте, Петрарки и Боккаччо [15], французский, итальянский и английский городской фольклор, а также восточные мифы и легенды в обработке античных и ренессансных авторов. И при всем этом многообразии в «Кентерберийских рассказах» очевидна типичность связанных с женщинами сю-

¹ В творчестве Чосера принято выделять три периода: французский (приблизительно до 1369 г.), итальянский (1380–1386) и английский (с 1387). В первый период Чосер – участник Столетней войны (1337–1453) попал в плен к французам и, дожидаясь выкупа, свел близкое знакомство с французскими поэтами, что позволило ему пополнить знание французской куртуазной литературы; тогда же он перевел «Роман о Розе». После возвращения из плена долгое время писал по-французски стихи для образованной знати, опираясь на французскую средневековую и раннеренессансную поэтическую традицию; написал поэму «Книга герцогини» (1369), в основе которой – понимание античного наследия как идеала. В 1370-е гг. выполнял дипломатические поручения во Франции и Италии, познакомился с итальянской культурой и литературой и стал их пропагандистом в Англии. Переводил произведения Данте, Петрарки, Боккаччо, используя их наследие в собственном творчестве, см., напр., поэму «Троил и Крессида (Хризеида)» (ок. 1385 г.), сюжет которой заимствован из куртуазной поэмы Боккаччо «Филострато». Первой англоязычной поэмой стала «Легенда о славных женщинах» (ок. 1387) – заимствованные у Овидия и Вергилия девять историй о прославленных женщинах древности; подробнее см.: [7–14].

жетных коллизий и женских образов – как положительных, так и отрицательных, с одной стороны, и становящихся предметом слухов женских добродетелей и пороков – с другой.

Добродетели и пороки

Основной женской добродетелью является покорность – отцу, брату, мужу, правителю, судьбе, Богу. Высший образец покорности – Гризельда из рассказа Студента, стойчески выдерживающая все жестокие испытания, которым подвергает ее муж, и неуклонно следующая данному накануне венчания обету: «Даю обет вам ныне – постоянно / Послушной быть и в мыслях, и в делах, / Отбросив даже перед смертью страх» [16, с. 340]. Безропотное долготерпение Гризельды сопоставляется с долготерпением Иова – и предпочтение отдается ей: «Об Иове нам много говорят, / Его смирение хвалю лестно / Возносит до небес ученых ряд. / <...> Однако если честно / Нам рассудить, то вряд ли из мужчин / Тут с женщиной сравнится хоть один» [16, с. 355]. Правда, в авторском послесловии к рассказу Студента Чосер вполне недвусмысленно обращается как к мужьям, так и к женам. Первых он предупреждает: «Не испытуйте ваших жен терпенье. / Никто Гризельды не найдет второй / В своей супруге, – в этом нет сомненья»; вторым советует: «Вы, жены, что верблюдов посильней, / Не допускайте, чтобы оскорбленья / Вам наносить решался муж-злодей. / А вы, о жены, слабые в сраженье, / Как львицы, будьте яры, день-деньской / Язык, как жернов, приводя в движенье. / Бояться мужа – глупо-го глупей: / Будь он в кольчужные закован звенья, / Стрелами острыми своих речей / Пронзишь ты и стальное облаченье. / Вяжи его и ревностью порой, – / И станет за тобой ходить он тенью» [16, с. 362–363]. Иными словами, по мнению автора, то, что молва признает женскими недостатками, следует использовать как оружие самозащиты.

Еще один образец покорности – Констанца из рассказа Юриста, уверенная в том, что «женщины для рабства рождены / И слушаться мужей своих должны» [16, с. 158]. Покорность положительных героинь дополняют физическая и духовная красота, истинная и глубокая вера, невинность до брака, хорошее воспитание, фертильность (новобрачная непременно должна зачать ребенка «с первой ночи»), плодовитость, домовитость,

скромность, добрый нрав, смирение, готовность к любым испытаниям, чистота души, для девушек и молодых женщин – разумность, для женщин пожилых и старух – мудрость. В рассказе Врача представлен образец женщины: «Багрянцем роз и белизною лилий / Украшены ее ланиты были; / Как ива, гибок был прелестный стан, / А лес кудрей златистых осиян / Лучами полыхающего Феба, / Глядящего с полуденного неба. / Но внешности, отрады из отрад, / Был нрав ее прекраснее стократ. / Все качества соединились в ней, / Которые мы ценим у людей. / Душой и телом далека от зла, / Она цветеньем девственным цвела, / Во всем воздержанна, всегда смиренна / И долготерпелива неизменно, / В нарядах, в поведении скромна, / В ответах же учтивости полна» [16, с. 236].

К женским порокам относятся болтливость («жена была болтлива, как сорока» – рассказ Мажордома, [16, с. 134]), лживость, лицемерие, злобность, завистливость, двоедушие, склонность к обману, интригам и сплетням, склочность, похотливость, жадность, ветреность, глупость. И именно эти качества зачастую становятся предметом распускаемых о женщинах слухов, см., напр., отзывы об одной из героинь в рассказе Повара: «В городе о ней ходили слухи / Как о доносчице и потаскухе» или эпилог к рассказу Купца: «Женщины полны / Обмана, лжи и всяческих уловок» [16, с. 149, 394].

Типология образов и коллизий

В «Кентерберийских рассказах», как известно, не считая автора, двадцать девять персонажей-паломников, каждый из которых должен рассказать историю по своему выбору, но, поскольку текст не завершен, рассказов только двадцать один, однако некоторые из них сопровождаются прологами и/или эпилогами. Показательно, что лишь три персонажа: Аббатиса, Батская ткачиха и Вторая монахиня-черница – женщины, а право голоса представлено только двум из них – Батской ткачихе и Монахине, рассказывающей историю св. Цецилии. Однако почти в каждом из мужских рассказов есть своя героиня, которой рассказ посвящен, а в некоторых этих героинь две или более, и почти с каждой из них связана та или иная парная, по большей части оппозиционная матримониально-бытовая гендерная сюжетная коллизия. При всем количественном многообразии коллизии эти

позволяют выстроить достаточно легко определяемую пятичастную типологию: любимый молодой муж – любимая юная жена, старый муж – молодая жена, молодой муж – старая жена, постылый муж – желанный возлюбленный (неизменно юный), постылая жена – желанная любовница. В роли возлюбленных, как правило, выступают соседи, подмастерья, студенты, монахи и другие священнослужители, в роли любовниц – соседки, жены и дочери соседей, служанки, иногда юные воспитанницы.

Своего рода *profession de foi* престарелого жениха и его идеал брака, например, предлагается в рассказе Купца, повествующего о некоем ломбардском рыцаре, в шестидесятилетнем возрасте женившемся на двадцатилетней девице: «Кто может быть нежнее, чем жена? / Кто с большим прилежаньем, чем она, / Когда ты болен, ходит за тобою? / Она готова верною рабою / Тебе служить, хотя б ты слег в кровать / С тем, чтоб до смерти больше не вставать?». При этом ценность юного возраста будущей жены обусловлена той легкостью, с которой муж сможет конструировать ее личность и диктовать линию поведения: «А девушка в твоих руках – как воск: / И сердце свежо у нее и мозг» [16, с. 367, 370]. О скрытых в самой природе подобного союза адюльтерных превратностях жених не догадывается, полностью полагаясь как на не вызывающую у него сомнений добродетельность невесты, так и на свое безусловное право подчинить будущую жену своей воле, контролируя все ее мысли, эмоции, желания и поступки.

Еще одна типология, очевидным образом выстраиваемая на основании всех текстов, – типология женских образов, как представляется, почти буквально отражающая их типологию во всех культурных традициях, на которые опирался Дж. Чосер и учитывающая те реальные (бытийные) женские типы, которые оказались наиболее частотными и продуктивными для этих традиций, т. е., наиболее полно и ярко в них представленными. Если идти в направлении от горнего к долъному, складывается следующий ряд: святая – жертва (почти достигшая святости благодаря тем горестям и испытаниям, которые она претерпела, не утратив веры и чистоты помыслов) – грешница – злодейка – изменница (долгу, обету, мужу). Возможно выстроить и более частную типологию жен: добродетельная жена – верная жена – покорная жена – неверная (по-

хотливая) жена – вздорная (непокорная) жена – жена, которая держит мужа под каблуком и использует его как пассивное орудие для достижения собственных корыстных целей. Чаще всего в рассказах речь идет о неверных и вздорных женах (см. рассказы Мельника, Мажордома, Повара, Шкипера, Купца, пролог Монаха). В рассказе Рыцаря главная героиня выступает в роли яблока раздора, становясь причиной вражды двух братьев и приводя одного из них к гибели.

Чужие и свои истории

Почти все рассказы паломников, как мужчин, так и женщин, основаны на чужих историях, которые рассказчики когда-то слышали, кроме, возможно, библейских и житийных текстов и произведений античных авторов, хранящихся в памяти тех, кому довелось учиться в церковной школе или в университете, как, например, в памяти Врача, пересказывающего историю, зафиксированную у Тита Ливия. Но в любом случае все это суть *чужие* истории, запечатленные в памяти культуры в письменном или – что чаще – устном виде и рассказанные от третьего лица. Иначе говоря, паломники в своих рассказах воспроизводят различные варианты слухов, в том числе и слухов о женщинах, активно циркулирующих в культуре и в той части сообщества, к которой каждый из них принадлежит. Об анонимности и вторичности источников их рассказов прежде всего свидетельствуют зачины, см., напр., рассказы Рыцаря («Предания давно минувших дней / Нам говорят»), Мельника («Однажды жил в Оксфорде некий плотник»), Мажордома («Под Кембриджем, в селенье Трэмпингтон / Стояла мельница»), Повара («Жил подмастерье в городе удалый»), Шкипера («Купец один в совсем недавни дни»), Продавца индulgенций («Так вот, в Брананте некогда жила / Компания повес»), Батской ткачихи («Когда-то, много лет тому назад, / В дни короля Артура»), Сквайра («В татарском граде Сарра проживал / Царь, что нередко с Русью воевал»), Купца («В стране ломбардской рыцарь жил когда-то» [16, с. 56, 112, 133, 147, 184, 248, 287, 396]). И это далеко не случайно, поскольку анонимность и выраженная временная аморфность характерны для природы слухов, словно заведомо освобождая их распространителей от ответственности за свои речи, перекладывая ее на некое коллективное сознание.

Единственное исключение составляет пролог Батской ткачихи, рассказывающей *собственную* историю от первого лица. Весьма примечательно, что эта история представляет собой своего рода аксиологический перевертыш, оправдывая все женские пороки и объявляя их добродетелями с точки зрения природы и жизненной прагматики. С одной стороны, Батская ткачиха – совокупность всех качеств слабого пола, традиционно почитаемых греховными: болтливая, похотливая, неверная, лживая, расчетливая, корыстолюбивая, продажная, коварная; она – отъявленная сплетница, притворщица, лицемерка, выпивоха; она держит нелюбимых мужей под каблуком и безжалостно манипулирует ими, обманывая их при первой представившейся возможности. И во всех этих и других грехах она вполне откровенно и без стеснения признается, ссылаясь на Ветхий и Новый заветы, античных авторов и античную же мифологию: «Дух боевой мне Марсом был отмерен, / Чувствительность – был щедрый дар Венерин. / Венера мне дала в любви покорство, / А Марс – в любви и крепость, и упорство. / Мой прадед – Минотавр, и предок – Марс мой. / Зачем любовь грехом сильна, коварством? Звезда моя велит неугомонно / Не подавлять того, к чему мы склонны» [16, с. 279]. Брак для нее – торговая сделка: от каждого из пяти мужей она «пыталась получать / <...> лучшее: мощну или сундук» [16, с. 263]; супружеские обязанности – инструмент власти над мужем; нелюбимый старый муж – источник обогащения; юный возлюбленный и желанный молодой муж – плотских утех: «Ему лет двадцать только миновало, / Мне ж было за сорок, но я нимало / Не колебалась, сохранив весь пыл, / Который и с годами не остыл. / Господь прости, была я похотлива» [16, с. 279].

С другой стороны, ее рассказ – панегирик женской изобретательности, выносливости, разумности, здравомыслию, свободолюбию, чувству собственного достоинства. В нем представлен своеобразный компендиум советов и рекомендаций женщинам: «Так слушайте, о женщины, коль разум / С невинностью не потеряли разом. / Я научу вас шашни все скрывать, / Водить всех за нос, клясться, улещать / <...> У нас, у женщин, уж такая доля. / Мы слабы, правда, но господь взамен / Нам даровал коварство для измен, / Обман и слезы. Мы оружием этим / Мужскую силу оплетем, как сетью» [16, с. 268, 273].

Представлена в ее пространном монологе и весьма нелюбимая оценка мужчин: «Да если бы мы, женщины, свой гнев, / Свое презренье к мужу собирали / И книгу про мужчину написали, – / Мужчин бы мы сумели обвинить / В таких грехах, которых не сравнить / С грехами нашими ни в коей мере». Здесь же она прямо говорит о причинах дурных слухов о женщинах, об источнике и причине публичного поношения слабого пола: «И ни один ученейший калека / Не станет женщин от души хвалить. / Да иначе оно не может быть! / Как от учености он одряхлеет, / Венере подать он платить не смеет, / Да и зачем дырявый ей башмак! / И вот тогда начнет он так и сяк / На женщин шамкать злую клевету, / Что будто бы мы любим суету / И не способны верными быть клятвам. / Еще не то налагать на нас он рад вам» [16, с. 281, 282].

И, наконец, героиня открыто заявляет о том, чего хотят женщины, будь они примером добродетели или вместилищем порока: «Все мы хотим, будь даже мы порочны, / Чтобы никто ни прямо, ни заочно / О нас дурного людям не сказал, / Но чтоб в пример нас женам называл. / А есть такие, что хотят доверье / Завоевать хотя бы лицемерьем. / Советницей и другом мужу быть, / Секреты мужа от людей хранить. / Цена их притязаниям – полушка. / Поверьте, женщина всегда болтушка. / Хранить секреты – это не для нас» [16, с. 289]. Иными словами, по мнению Батской ткачихи, женщинам нужно, чтобы их ценили такими, какие они есть, не ждали от них того, чего они в силу самой своей природы дать не могут, и не распускали о них дурных слухов.

Обсуждение и выводы

В «Кентерберийских рассказах» Чосера во всей полноте явлена оппозиция «маскулинное – феминное», отражающая гендерную парадигму тех эпох и культур, к которым автор обращался как к источникам для создания своего текста. Связанные с женщинами стереотипные представления нашли воплощение в большинстве рассказов персонажей, как мужских, так и женских, что отражает гендерные установки, в соответствии с которыми конструировалась повседневная жизнь и обыденная мораль, основанная на патриархатной картине мира. Противоположная точка зрения представлена лишь в прологе к рассказу Батской ткачихи, являющемся аксиологическим

перевертышем: рассказчица подвергает сомнению обоснованность бытующей системы ценностей и делает попытку переосмотреть гендерно ориентированные акценты, типичные для современной Чосеру европейской культуры, предлагая иной взгляд на феномены мужского и женского и (ин)варианты их проявления в повседневной жизни.

Список литературы

1. История всемирной литературы: в 9 т. Т. 3. М.: Издательство «Наука», 1985. 816 с.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 4. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1956. 684 с.
3. Горбатов Д. С. Психология слухов и сплетен. СПб.: Речь, 2012. 240 с.
4. Дубин Б. В. Слово – письмо – литература: Очерки по социологии современной культуры. М.: Новое Литературное Обозрение, 2001. 412 с.
5. Серто М., де. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 330 с.
6. Дорский А. Ю. Эстетика власти. СПб.: Алетейя, 2013. 296 с.
7. Кашкин И. А. Джеффри Чосер // Кашкин И. А. Для читателя-современника: Статьи и исследования. М.: Советский писатель, 1968. С. 227–261.
8. Brewer D. Chaucer and His World. New York: Dodd, Mead, 1978. 231 p.
9. Brewer D. Geoffrey Chaucer. The Writer and His Background. London: Boedell and Brewer Inc., 1990. 400 p.
10. Bryan W. F. (ed.). Sources and Analogies of Chaucer's "Canterbury Tales". Chicago: University of Chicago Press, 1941. 765 p.
11. Chesterton G. K. Chaucer. London: Sheed and Ward, 1959. 285 p.
12. Payne F. A. Chaucer and Menippean Satire. Madison: University of Wisconsin Press, 1981. 290 p.
13. Spurgeon C. F. E. Five Hundred Years of Chaucer Criticism and Allusion. 1357–1900. Vols. 1–3. New York: Russel and Russell, 1960.
14. Ward A. W. Chaucer. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 212 p.
15. Алексеев М. П. «Кентерберийские рассказы» и «Декамерон» // Уч. записки Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена. 1941. – Т. 41. – С. 57–110.
16. Чосер Дж. Кентерберийские рассказы. М.: Издательство «Художественная литература», 1973. (Библиотека всемирной литературы. Серия первая. Т. 30). 528 с.

Rumors About Women in Geoffrey Chaucer's "Canterbury Tales"

Olga R. Demidova

The object of the gender oriented historiosophical and philological analysis carried out in the article is the body of rumors about women active in the Renaissance Europe everyday life and presented in G. Chaucer's "Canterbury Tales". Rumor is understood as the phenomenon formed and functioning on the everyday life level and actualized in folklore and literary texts, stereotypes, the system of the permitted and the prohibited as well as in the general axiological and aesthetic paradigms of a certain culture. The author presents the functional paradigm of rumors consisting of the following functions: the me-

morial, the protective (censoring), moral, aesthetic, reputational, and the power ones, each of them conditioning the productivity and frequency of rumors in culture in general and in the text under analysis in particular. The author argues that the basis for rumors is formed by female virtues and vices, the latter being much more actualized than the former, though, taken as a whole, both of them present all stereotypes connected with women and reflect the patriarchal worldview of the epoch.

Key words: rumors, culture, tradition, everyday life, gender, women, tales / stories, vices, virtues.

For citation: Demidova, O. R. (2024) Slukhi o zhenshinakh v "Kenterberiiskikh rasskazakh DzhEFFri Chosera [Rumors About Women in Geoffrey Chaucer's "Canterbury Tales"]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 3. Pp. 16–27. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2024_3_16. EDN: GTRUR

References

1. (1985) *Istoriya vsemirnoi literatury: V 9 t.* [History of World Literature: In 9 vols.]. Vol. 3. Moscow: Izdatel'stvo "Nauka". (In Russ.)
2. Dal', V. I. (1956) *Tolkovnyi slovar' zhivogo velokorussskogo jazyka: V 4 t.* [The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. In 4 vols.]. Vol. 4. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarej. (In Russ.)
3. Gorbatov, D. S. (2012) *Psikhologija slukhov i spleten* [Psychology of Rumors and Gossip]. St. Petersburg: Rech'. (In Russ.)
4. Dubin, B. V. (2001) *Slovo – pis'mo – literatura: Ocherki po sociologii sovremennoi literatury* [Word – Writing – Literature: Essays on Modern Literature Sociology]. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenije. (In Russ.)
5. Serto, M. de (2013) *Izobretenie povsednevnosti. 1. Iskusstvo delat'* [Invention of Everyday Life. 1. The Art of Doing]. St. Peterburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo Universiteta v Peterburge. (In Russ.)
6. Dorsky, A. Ju. (2013) *Estetika vlasti* [The Aesthetics of Power]. St. Petersburg: Aleteia. (In Russ.)
7. Kashkin, I. A. (1968) *Dzhefri Choser* [Geoffrey Chaucer]. *Dlia chitatelia-sovremennika: Stat'ji i issledovanija* [For the Contemporary Reader: Articles and Research]. Moscow: Sovetskij pisatel'. Pp. 227–261. (In Russ.)
8. Brewer, D. (1978) *Chaucer and His World*. New York: Dodd, Mead.
9. Brewer, D. (1990) *Geoffrey Chaucer: The Writer and His Background*. London: Boydell and Brewer Inc.
10. Bryan, W. F. (ed.) (1941) *Sources and Analogies of Chaucer's "Canterbury Tales"*. Chicago: The University of Chicago Press.
11. Chesterton, G. K. (1959) *Chaucer*. London: Sheed and Ward.
12. Payne, F. A. (1981) *Chaucer and Menippean Satire*. Madison: University of Wisconsin Press.
13. Spurgeon, C. F. E. (1960) *Five Hundred Years of Chaucer Criticism and Allusion. 1357–1900*. Vols. 1–3. New York: Russel and Russell.
14. Ward, A. W. (2011) *Chaucer*. Cambridge: Cambridge University Press.
15. Alekseev, M. P. (1941) "Kenterberiiskie rasskazy" i "Dekameron" ["Canterbury Tales" and "Dekameron"]. *Uchenye zapiski Leningradskogo pedagogicheskogo instituta im. A. I. Gertsena* [Proceedings of Leningrad pedagogical institute after A. I. Hertsen]. Vol. 41. Pp. 57–110. (In Russ.)
16. Choser, Dzh. (1973) *Kenterberiiskie rasskazy* [Canterbury Tales]. Moscow: Izdatel'stvo „Khudozhestvennaja literature. Biblioteka vsemirnoi literatury, Series 1. Vol. 30. (In Russ.)

Об авторе

Демидова Ольга Ростиславовна, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: ord55@mail.ru; ORCID ID: 0000-0003-2281-4059.

About the author

Demidova Olga R., Doctor of Philosophy, Professor, Professor of Philosophy Department, Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: ord55@mail.ru; ORCID ID: 0000-0003-2281-4059.

Статья поступила в редакцию 14.06.2024
Одобрена после рецензирования 09.07.2024
Принята к публикации 16.07.2024